

ALMOST INNOCENT

DANCING IN THE SPACE BETWEEN

Michael Mish

ALMOST
INNOCENT
DANCING IN THE SPACE BETWEEN

Michael Mish

Michael Mish, musician, philosopher, playwright, composer and environmental activist, has written a cross-disciplinary book that looks at the human condition with wise and clear eyes. *Almost Innocent* provides a unique and empowering solution to the greatest pain from which our modern world suffers: damaged innocence.

With carefully chosen anecdotes, brilliantly wrought insights, and self revelation, trembling with transparency, *Almost Innocent* delivers a wallop of wisdom.

Perceptive, nearly haunting, Mish's understanding of a problem we all share offers surprising and imaginative solutions. The reader is gently taken by the hand, shown where we fell off the track, (through no fault of our own) and then offers a paradigm shift that allows restorative self-compassion.

ISBN 9781888311013

90000 >

9 781888 311013

www.almost-innocent.com

ISBN 978-1-888311-01-3

almost innocent

DANCING IN THE SPACE BETWEEN

Michael Mish

Copyright ©2012 Michael Mish – Vesica Media
all rights reserved
ISBN
978-1-888311-01-3

No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means, including information storage and retrieval systems, scanning, or electronic distribution without permission in writing from the publisher, except by reviewers who may quote brief passages in a review.

For information contact:

Vesica Media
info@almost-innocent.com
Michael Mish
PO Box 3477 Ashland, OR 97520

TABLE OF CONTENTS

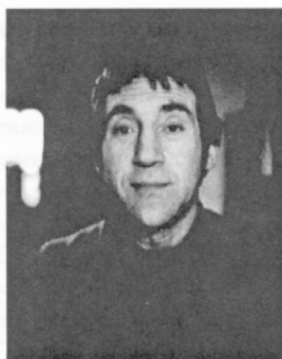
The Loss of Innocence

Acknowledgments

PART 1

Reflections 9

1. The Sound	19
2. Oom	25
3. The Winds of Change	33
4. You're not going to leave me here...	37
5. Recurring Dreams	41
6. Elementary School	43
7. Iris	49
8. Middle School	55
9. The Sleep	63
10. Reawakened in the Rag Business	75
11. Vladimir Vysotsky	79
12. Bars, Lounges and Clubs	85
13. The Child	89
14. Of Gains and Losses & Resurrection	95
15. Innocence is a Muscle	99
16. Why the Background	103

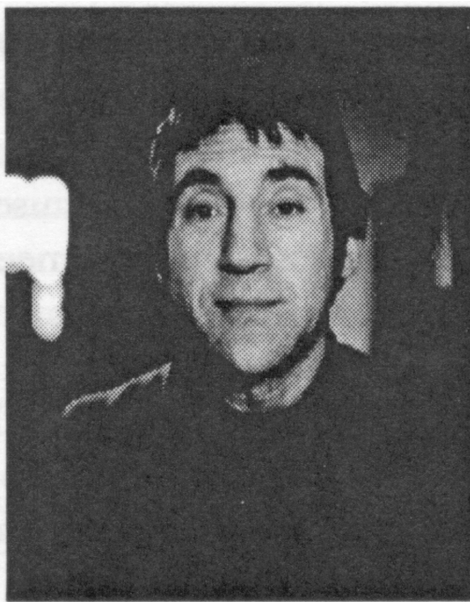
Vladimir in his Moscow apartment - Dec 1978

CHAPTER 11

Vladimir Vysotsky

AMONG SOME OF the most amazing things that have occurred in this, at once charmed and strange, life of mine is that I've met absolutely amazing people.

Richard sat next to me on a plane while flying back to Germany to meet my former German girlfriend, Elke, with whom I stayed for 8 months alternately on the Greek Island of Santorini and in Stuttgart in 1971. Richard sold computer hardware, at the time, to the Soviets. Richard was Polish and, like most everyone from Europe, multilingual. Though he lived in Southern California, his dealings had him speaking in Polish, Russian and German as he'd travel to those countries. We committed to getting together when our respective trips were over. My visit with Elke was disappointing. We'd simply gone in two entirely different directions to relate to one another anymore. She had continued with her study and practice of pedagogy as we had *both* planned to do in Hamburg, and I had made a sharp left turn to become a salesman. We made radically different life choices and we no longer recognized each other. I'd even venture that she was repulsed by me and my mustache. The thoughtful, and sensitive guy she knew in Greece and Germany had been supplanted by a cocky and bawdy American salesman.

Владимир в своей московской квартире — декабрь 1978

ГЛАВА 11

Владимир Высоцкий

В ЧИСЛЕ РЯДА наиболее удивительных вещей, случившихся в моей, одновременно и очаровательной, и странной, жизни, — это встречи с совершенно удивительными людьми.

Ричард [Дик Финн — прим. В. Рыбин] сидел рядом со мной в самолёте, когда я летел обратно в Германию, чтобы встретиться с моей бывшей немецкой подругой Эльке, с которой я проводил время в 1971 году в течение 8 месяцев то на греческом острове Санторини, то в Штутгарте. Ричард в то время продавал компьютерное оборудование Советам. Ричард был поляком и, как большинство европейцев, говорил на нескольких языках. При том, что он жил в Южной Калифорнии, в деловых отношениях ему приходилось говорить на польском, русском и немецком языках во время путешествий в эти страны. После того, как соответствующие поездки закончились, мы обязались собраться вместе. Визит к Эльке меня разочаровал. Просто мы разошлись в двух совершенно разных направлениях, и ничего общего не осталось. Она продолжила своё обучение и педагогическую практику, как мы *оба* и планировали в Гамбурге, а я резко развернулся влево, чтобы стать торговцем. Сделав кардинально разные жизненные выборы, мы больше «не узнавали» друг друга. Рискну даже предположить, что я и мои усы её раздражали. Вместо рассудительного и чуткого парня, которого она знала по Греции и Германии, пред ней предстал дерзкий и развязный американский торгош.

Richard and I promptly met up a month after our respective trips. By all indications he was an enormously successful business man. Jocular and playful, he had what seemed to have eluded many of my American male friends: a very playful sense of the absurd. Because I could meet him on the theater of the absurd, he felt that I should also meet a man he'd recently met while staying in Moscow. This Muscovite and his wife, Marina who lived in Paris, were to be coming to the states and would I mind letting them stay at my house in Pacific Palisades. This was to be Vladimir's first time in the United States. Richard's house, at the time, was spoken for and, besides, I'd get along with them "great". Seldom one to decline a new experience, I agreed.

Vladimir¹ was small and wiry like me. We could have been brothers. Marina², born of Russian parents who'd immigrated to Paris, was a beautiful blonde and a working actress in France. It was 1977 and we met with instant, playful, recognition. After a brief getting to know each other on their evening arrival, Vladimir emerged from the downstairs bedroom the next morning and we greeted one another. He approached me like a child. Rocking back and forth like a marionette as he walked, I emitted a high munchkin voice in greeting him. His eyes widened. I did it again. And he walked right up to me to look inside my mouth to see where the sound was coming from.

"Do it again," he begged.

I did it again. Then he tried it. With his low, gravelly voice he was challenged to get into that vocal register. Once again, he looked in my mouth as I did a Mickey Mouse voice. He laughed and once again tried to find the placement in his own voice to do it himself. Fascinated by the sound and where it came from, he was determined to find out how this sound was created. He was captivated by the vocal mechanics of the squeezed munchkin voice. Why did it work? How did a tiny voice come out of a man's voice box. He was a mixture of delighted, intrigued and, like a scientist...obsessed with getting to the simple physics of it.

He gave up on Mickey Mouse, for the moment, and we walked out to the bluff near my house overlooking the Pacific Ocean. Flowers along the sidewalk, that were so characteristic of that neighborhood, filled the air with a heady concert of jasmine and enumerable other flowers as if in a florist's shop. As was so often the case in the early Fall, the sky was a striking clear blue and the colors of the flora were other-worldly.

¹ Vladimir Vysotsky (1938-1980), one of the most talented Russian bards.

² Marina Vlady won the Best Actress Award at the 1963 Cannes Film Festival for *The Conjugal Bed*.

С Ричардом мы встретились через месяц после соответствующих поездок. По всему, он был чрезвычайно успешным бизнесменом. Шутник и озорник, он обладал тем, чего, по-видимому, недоставало многим моим американским приятелям: очень живой парадоксальностью мышления. Как один из персонажей театра абсурда, он чувствовал, что мне следовало бы повстречаться с человеком, с которым он недавно познакомился, когда останавливался в Москве. Этот москвич со своей женой Мариной, которая жила в Париже, должны были приехать в Штаты, и было бы здорово, если бы я позволил им остановиться в моём доме в Пасифик Палисейдс. Это должен был быть первый приезд Владимира [Высоцкого — прим. В. Рыбин] в Соединённые Штаты. Как вариант, упоминался и дом Ричарда. Помимо всего прочего утверждалось, что я отлично с ними полажу. Редко кто отказывается от нового опыта, и я согласился.

Как и я, Владимир¹ был небольшого роста и жилистый. Мы могли бы быть братьями. Марина², дочь русских родителей, иммигрировавших в Париж, была красивой блондинкой, которая работала актрисой во Франции. Стоял 1977 год, и мы сразу же прониклись взаимной симпатией. На следующее утро после короткого вечернего знакомства по приезду Владимир вышел из спальни на первом этаже, и мы поприветствовали друг друга. Он подошёл ко мне походкой ребёнка. По мере того, как он приближался походкой марионетки, расклевываясь взад-вперёд, я в знак приветствия пропищал ему голосом манчкина. Его глаза расширились. Я повторил. И он подошёл ко мне вплотную и заглянул мне в рот, чтобы рассмотреть, откуда исходит звук.

«Повтори ещё раз» — умолял он.

Я повторил. После этого попробовал он. С его низким, хриплым голосом попасть в подобный вокальный диапазон было невозможно. Ещё раз он посмотрел мне в рот, когда я издал голос Микки Мауса. Он засмеялся и опять попытался воспроизвести это сам, своим голосом. Впечатлённый звуком и тем, откуда он вышел, он преисполнился решимости выяснить, как этот звук мог образоваться. Его пленила вокальная механика пискливости «голоса манчкина». Почему это сработало? Как такой высокий голос образовался в человеческой гортани. Он представлял собой смесь восторга, заинтригованности и, как учёный... был одержим идеей добраться до элементарной физики этого.

В какой-то момент он отбросил затею с Микки Маусом, и мы вышли на утёс возле моего дома с видом на Тихий океан. Цветы вдоль дорожки, столь типичные для этой местности, наполнили воздух пьянящим концертом ароматов жасмина и множества других растений, — как в цветочном магазине. Как это часто случалось в начале осени, небо было удивительно ярким-синим, а краски цветов были просто неземными.

¹Владимир Высоцкий (1938-1980), один из самых талантливых русских бардов.

²Марина Влади получила приз за лучшую женскую роль на Каннском кинофестивале 1963 года за фильм «Супружеская постель» [«Современная история: Королева пчёл» — прим. В. Рыбин].

Approaching the cliff as the ocean revealed more and more of its vast expanse, tears welled in his eyes. He looked earnestly at me and said, "I'm going to spend the whole day here, tomorrow, just looking," he said. He looked out over the panoramic deep blue of the Pacific Ocean and took deep breaths. He breathed in every color, every sensation – every inch of the horizon. For moments afterward he was inward and pensive. We walked the few blocks back to my house in silence. Before we went back in the house, he pulled me aside.

"The first time I went to Paris I saw all the lights. I saw all the activity. And all, all, all of the color. It made me so dizzy I vomited," he said. "There was nothing like this in the Soviet Union," he continued, "it made me crazy and it made me want to cry...from sadness or joy...I didn't know which one." Vladimir took my forearm and again, looking meaningfully into my eyes said, "You live in a paradise here. Do you know this?" He kept staring deeply into my eyes. Pressing my forearm for punctuation, to let me know that the moment was finished, we walked into the kitchen.

My French girlfriend Yvette, who I'd met vacationing near Cannes had come to stay at my house, and Marina were drinking coffee. Volodya (Vladimir) spoke in superlatives about this mythical and vast blue azure jewel beyond the bluffs like a boy recounting his greatest adventure, ever, to his best friend. Marina responded matching his enthusiasm.

We played like children in those few weeks.

There was a very alive, very active, child in all four of us. I abbreviated my work days to spend more time with them. Food was a festival – a circus of ooo's and ahhh's. Walking was an adventure. Driving was an expedition. Swimming in the ocean was an ecstasy too sublime. And, laughing was the staple of life. As Marina wrote in her book³, and as I am writing in mine: *These were some of the happiest days of our lives.*

Early into his stay he took me aside in the living room and wanted to make something clear to me. "There is no person in the Soviet Union that doesn't know me. I am an actor and a singer," he felt it necessary to explain. "The people, they take my recordings. They copy them 14, 15 – 20 times so all people can have my cassettes."

I was to find out several years, after the fact, just how celebrated he really was. He hadn't exaggerated.

³ Vladimir, or, *Flight Interrupted* (never translated into English)

По мере восхождения на скалу, когда всё шире и шире раскрывались океанские просторы, на его глаза навернулись слёзы. Он серьёзно посмотрел на меня и сказал: «Завтра я собираюсь провести весь день здесь, просто созерцая». Он обвёл глазами тёмно-синюю ширь Тихого океана и глубоко вздохнул. Он вдыхал каждый оттенок цвета, каждое ощущение — каждый дюйм горизонта. Затем на мгновение он сделался задумчивым и ушёл в себя. Несколько блоков обратно к моему дому мы прошли в тишине. Перед тем как зайти в дом, он оттащил меня в сторону.

Он сказал: «Оказавшись в Париже в первый раз, я увидел всё в огнях. Я увидел всё в движении. И всё-всё-всё в красках. От этого у меня так закружилась голова, что меня вырвало». «В Советском Союзе не было ничего подобного, — продолжал он, — это свело меня с ума, мне захотелось заплакать... от печали или радости... Я не знал отчего». Владимир взял меня за руку и, ещё раз значительно глядя мне в глаза, сказал: «Ты здесь живёшь в раю. Понимаешь ли ты это?» Он продолжал пристально смотреть мне в глаза. Затем он сжал мою руку, давая понять что момент откровения закончен, и мы вошли в кухню.

Моя французская подруга Иветта, которую я встретил на отдыхе неподалёку от Канн и которая, приехав, остановилась в моём доме, и Марина пили кофе. Володя (Владимир) с восторгом рассказывал об этой фантастической огромной лазурно-синей жемчужине за утёсом, как мальчик, рассказывающий о своём величайшем приключении своему лучшему другу. Марина разделяла его энтузиазм.

Те несколько недель мы игрались, как дети.

Что-то очень живое, активное, детское сидело во всех нас четверых. Я урезал мои рабочие дни, чтобы больше времени провести с ними. Еда была праздником — цирковым представлением с охами и ахами. Прогулка становилась приключением. Поездка превращалась в экспедицию. Плавание в океане было невообразимым экстазом. А смех был основой жизни. Как Марина писала в своей книге³, и как я пишу в моей: *«Это были одни из самых счастливых дней в нашей жизни»*.

В начале своего пребывания он отвёл меня в сторону в гостиной и решил кое-что для меня прояснить. «В Советском Союзе нет человека, который бы меня не знал. Я актёр и певец» — посчитал необходимым объяснить он. «Люди меня записывают. Потом они копируют эти записи 14, 15 - 20 раз, чтобы мои кассеты могли оказаться у всех.»

Через несколько лет я удостоверился, насколько, действительно, он был знаменит. Он не преувеличивал.

³ Владимир, или Прерванный полёт (на английский язык не переводилась)

With his gravelly, throaty and passionate singing voice he sang ballads about the oppression of the Soviets; the suppression of the human spirit; and the fantastic resilience of that same indefatigable human spirit to rise up and fight for its rightful place to exist and to *express* itself. No one would have guessed that beneath the powerful bull-frog of a masculine voice, there was a man with more child in him than most. That this man of such colossal talent and artistic stature not only as an actor⁴, songwriter and performer but as a poet, was really a vulnerable, child-like sensitive of endless curiosity. And for me, he was defined preeminently by his insatiable *curiosity*. All of his creative *expressions* of that curiosity and wonder naturally followed.

And he was apparently so vitally important to the soviet cultural appetite, that the government did little to suppress him and his recordings even though the government never officially recognized him as a singer – and, even though he often sung out against the repressive ways of his government. He'd become a household word and a cultural phenomenon in the Soviet Union, though few from the outside had ever heard of him.

Several years after getting to know him, I went to the former Soviet Union to visit him on his turf. I've never been one to stay up all night. My mental lights just turn off. Yet, staying at Vladimir's Moscow apartment, the two of us would remain talking at his kitchen table until the sun would come up. He spoke of the richness that was the Russian spirit. How the Soviet citizenry did so much with so little, and why couldn't the Soviets have more of what the Americans took for granted. We'd cry and rage. We'd laugh until we couldn't laugh anymore. This was a man so in love with every single person that lived in the Soviet Union, I could feel it rising out of his pores. His unbridled affection for his people and his resolve to be their voice, percolated up from a deep place within and burned in his heart. True to form, that passionate brush fire would take his life.

Having not spoken to Richard in nearly 30 years, I recently emailed him about Vysotsky and he wrote:

"Vysotsky's songs contributed to the eventual fall of the Soviet Union and its empire. He was an undeclared dissident with an exceptionally strong voice."

⁴ Yuri Lyubimov opened a production featuring Vladimir Vysotsky as Hamlet in 1971, at Moscow's Taganka Repertory Theater in Moscow and that production ran until Vladimir's untimely death in 1980 (217 performances in all)

Своим хриплым, гортанным и страстным голосом он пел баллады о притеснениях в Советах; о подавлении человеческого духа; и о фантастической стойкости этого самого неукротимого человеческого духа, способного подняться и бороться за своё право существовать и *выражать* себя. Но никто бы не догадался, что за мощью мужского голоса, напоминающего таковой у лягушки-быка, скрывается человек, в котором детского больше, чем в ком бы то ни было. Что этот человек такого колоссального таланта и артистизма не только в актёрстве⁴, авторстве песен и исполнительстве, но и в поэзии, — был в действительности ранимым, по-детски восприимчивым и бесконечно любопытным. И на мой взгляд, определяющим в нём было в первую очередь его ненасытное *любопытство*. Все его творческие выражения этого любопытства, за которым естественным образом следовало умение удивляться.

И он, по-видимому, был настолько жизненно важен для советского культурного «аппетита», что даже власти не слишком давили на него и на его записи, хоть никогда официально и не признавали его певцом — при том, что часто в его песнях звучал протест против репрессивных замашек правительства. Он превратился в нарицательную фигуру и стал культурным феноменом в Советском Союзе, в то время как за пределами страны о нём мало кто слышал.

Через несколько лет после знакомства с ним я отправился в бывший Советский Союз, чтобы навестить его на его территории. Я никогда не относился к тем, кто бодрствует всю ночь напролёт. Мои лампочки в мозгах просто выключаются. Тем не менее в московской квартире Владимира мы оба будем беседовать за его кухонным столом до восхода. Он говорил о богатстве русской души. О том, что советские люди достигли так много с тем мизером средств, что у них был; и почему Советы не смогли достичь большего чем то, что американцы воспринимают как само собой разумеющееся. Мы кричали и бушевали. Мы хохотали до упадка. Это был человек, настолько влюблённый в каждого, кто жил в Советском Союзе, что я чувствовал как это сочится из его пор. Его безудержная привязанность к своему народу и его решимость быть его голосом просачивались из его глубин и горели в его сердце. И неудивительно, что костёр страсти унёс его жизнь.

С Ричардом я не общался почти 30 лет, но вот недавно написал ему электронное письмо. И он ответил:

«Песни Высоцкого способствовали окончательному падению Советского Союза и его империи. Он был необъявленным диссидентом с исключительно сильным голосом».

⁴ Юрий Любимов выпустил спектакль с Владимиром Высоцким в роли Гамлета в 1971 году в московском репертуарном театре на Таганке, и этот спектакль шёл вплоть до безвременной кончины Владимира в 1980 году (всего было сыграно 217 спектаклей).

Yet, not unlike many other extremely successful people I would meet in my lifetime, Volodya had kept alive within himself an active sense of wonder. And wonder wasn't something confined only to wondrous events, people and places. No. It was something that could be found anywhere and in anything. And this is *just* as a child finds wonder. The child finds wonder in, what would otherwise be considered from the adult perspective: the mundane.

Yes. Young children and the truly creative ones can wheedle wonder out of the ordinary. For me, this is the mark of true genius.

И ещё, в отличие от многих других чрезвычайно успешных людей, повстречавшихся мне, у Володи сохранилась живая способность удивляться. И удивление не ограничивалось только необычными событиями, людьми и местами. Нет. Чудесное можно было найти везде и во всём. И это *так же*, как чудо для ребёнка. Ребенок способен удивляться тому, что с точки зрения взрослого — обыденность.

Да. И маленькие дети, и по-настоящему творческие натуры способны выудить удивительное из заурядного. И это свойство для меня — признак истинной гениальности.